

Джагрунов Арслан Анатольевич

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕТЕ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ

Статья посвящена научному анализу одного из основополагающих критериев назначения справедливого наказания – личности виновного. Основное внимание акцентируется на проблемах толкования и учета личности виновного с опорой на мнения, высказываемые учеными, и использование результатов исследования судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что необходимость расширительного (всестороннего) учета данных о личности виновного при назначении наказания должна ограничиваться наличием фактической возможности у суда дать им надлежащую оценку. Обосновывается тезис о несоответствии в целом сложившейся судебной практики доктринальным взглядам относительно учета личности виновного при назначении наказания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/7/12.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (74). С. 43-47. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 343.2

Юридические науки

Статья посвящена научному анализу одного из основополагающих критериев назначения справедливого наказания – личности виновного. Основное внимание акцентируется на проблемах толкования и учета личности виновного с опорой на мнения, высказываемые учеными, и использование результатов исследования судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что необходимость расширительного (всестороннего) учета данных о личности виновного при назначении наказания должна ограничиваться наличием фактической возможности у суда дать им надлежащую оценку. Обосновывается тезис о несоответствии в целом сложившейся судебной практики доктринальным взглядам относительно учета личности виновного при назначении наказания.

Ключевые слова и фразы: назначение наказания; критерии назначения наказания; личность виновного; судебный приговор; принцип справедливости.

Джагрунов Арслан Анатольевич

*Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
dzhagrunov@mail.ru*

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕТЕ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ[©]

Общим критерием назначения справедливого наказания является учет личности виновного. Назначая наказание, суд «отталкивается» не только от степени его общественной опасности, смягчающих и отягчающих обстоятельств, но также учитывает и личность виновного, «делает поправку» на нее. Последняя же может оказать влияние на назначаемое наказание как в сторону смягчения, так и в сторону ужесточения.

Вопросы, касающиеся учета личностных характеристик автора преступного посягательства при назначении ему наказания, всегда были актуальными в теории уголовного права в силу своей исключительной практической значимости. При этом в данном вопросе встречаются разнотолки, которые могут быть сведены к двум основным проблемам:

1. Какие именно особенности личности следует учитывать суду при назначении наказания?

2. Каковы порядок и технология учета личности виновного при назначении наказания, то есть механизм влияния ее особенностей на назначаемое наказание?

Сложность этих аспектов объяснима, поскольку закон указывает только сам критерий, подлежащий учету, – личность виновного. Но ведь каждый человек характеризуется множеством индивидуальных показателей, среди которых личные качества, особенности характера, темперамент и т.д. Высказываемые в научной литературе позиции относительно того, какие из них подлежат оценке и учету, можно разделить на две – ограничительного и расширительного учета личности виновного при назначении наказания. Странники первой позиции считают, что при назначении наказания необходимо учитывать лишь обстоятельства, непосредственно связанные с совершенным преступлением [1, с. 175; 10, с. 108; 15], приверженцы второй, напротив, указывают на необходимость учета всех обстоятельств, характеризующих личность виновного [8, с. 53; 9, с. 113; 11, с. 225-226].

В свою очередь, к сторонникам расширительного учета личностных характеристик преступника можно отнести и ученых, разделяющих их на группы. Например, А. П. Чугаев и Е. Г. Веселов признаки, характеризующие личность виновного, разделяют на три группы: 1) правовая характеристика личности (несовершеннолетний возраст, беременность, наличие у женщины детей, наличие инвалидности 1-й или 2-й группы, судимость, рецидив и т.д.); 2) психобиологические признаки (пол, возраст, состояние здоровья, наличие физических недостатков и психических расстройств, не исключая другие особенности личности); 3) социальные признаки (образование, семейное положение, наличие на иждивении несовершеннолетних детей или престарелых родителей, доход подсудимого, отношение к труду, общественному долгу и правилам общежития, характеристика по месту жительства и работы, наличие государственных наград и т.д.) [16, с. 72-73].

У А. В. Ищенко таких групп четыре: 1) общесоциальная характеристика (уровень социальной зрелости, устойчивость ориентаций, жизненные установки, образованность, отношение к общественно-полезному труду и т.д.); 2) психофизические особенности личности, делящиеся на две составляющие: нравственно-психологическая характеристика (черты характера, привычки, интересы и т.д.) и состояние здоровья (психическое состояние, физическое состояние и т.д.); 3) сведения об условиях воспитания (вне семьи или в семье, в полной или неполной семье, в какой обстановке – благополучной или неблагополучной, сведения об учебе, работе и т.д.); 4) сведения о характере постпреступного поведения [7, с. 13-14].

Оценивая обе позиции, необходимо отметить, что они имеют право на существование и не лишены рационального зерна. В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ, личность виновного является критерием, подлежащим учету при назначении наказания наряду с характером и степенью общественной опасности преступления,

смягчающими и отягчающими обстоятельствами, влиянием наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи. Таким образом, уголовный закон позиционирует личность виновного в качестве самостоятельного критерия назначения наказания. В научной литературе по данному вопросу высказывались различные мнения. Например, по мнению С. А. Велиева, все критерии, приведенные в ч. 3 ст. 60 УК РФ, не находятся в соотношении части и целого и подлежат самостоятельному учету при назначении наказания [2, с. 171], а через учет личности виновного, кроме того, наиболее широко проявляется индивидуализация наказания [3, с. 17]. Г. П. Новоселов, напротив, утверждает, что, мотивируя в приговоре избранную меру наказания, суд вправе ссылаться только на критерии, сформулированные в форме смягчающих и отягчающих обстоятельств [12, с. 11].

Поскольку речь все же идет о действующей норме уголовного закона, подлежащей, кроме того, применению непосредственно при рассмотрении всех без исключения уголовных дел, предпочтительнее рассматривать личность виновного именно в качестве самостоятельного критерия, что приводит к выводу о том, что данные, положительно характеризующие личность виновного, могут являться основанием для назначения менее строгого наказания по сравнению с лицом, характеризующимся отрицательно.

Со справедливостью такого положения вещей согласны не все ученые. Так, А. С. Жумаев пишет: «В теории уголовного права и судебной практике считается, что перечень отягчающих наказание обстоятельств – исчерпывающий. Если допустить, что к данным о личности при назначении наказания можно отнести любые отрицательно характеризующие виновного обстоятельства, в том числе, не связанные с преступлением, то фактически правило о закрытости перечня отягчающих обстоятельств окажется недействующим. В любом случае негативное обстоятельство получится учтенным при назначении наказания как данные о личности виновного. Такое положение неприемлемо» [6, с. 54-55]. Отсюда автор полагает, что правильнее при назначении наказания учитывать любые данные, положительно характеризующие лицо, а из обстоятельств негативного свойства можно учитывать только те, которые непосредственно связаны с совершенным преступлением [Там же, с. 54].

С приведенной позицией вряд ли можно согласиться в силу ее внутренней противоречивости. Действительно, перечень отягчающих наказание обстоятельств является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Это не означает в то же время, что данные о личности виновного, характеризующие его отрицательно, не могут и не должны оказывать влияния на наказание именно как данные о личности. Никаких нарушений правила о закрытости перечня отягчающих наказание обстоятельств в таком случае не будет, поскольку суд не вправе признать таковым в приговоре любое обстоятельство, относящееся к личности виновного, как бы отрицательно оно его не характеризовало. Оно будет иметь самостоятельное значение.

Кроме того, неясно, на чем основана позиция об учете при назначении наказания лишь положительно характеризующих личность обстоятельств. Реализация такого подхода в судебной практике, на наш взгляд, способна привести к нарушению принципа справедливости при назначении наказания, поскольку наказание уже не в полной мере будет соответствовать личности виновного, а лишь «лучшей» ее части. Таким образом, учет личности виновного при назначении наказания диктует необходимость равного учета данных, характеризующих ее как положительно, так и отрицательно.

И. В. Жидких высказывает другие сомнения относительно справедливости такой позиции. По ее мнению, во-первых, уравнивание критериев назначения наказания означает, что одно и то же обстоятельство может учитываться дважды или трижды при назначении наказания, что в случае ужесточения наказания идет вразрез с принципом гуманизма, а в случае смягчения – с принципом справедливости, а во-вторых, весь комплекс обстоятельств, характеризующих общественную опасность деяния или личность виновного, влияет на наказание так же, как каждое из смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств в отдельности, что противоречит равенству критериев назначения наказания [5, с. 111].

Не разделяет автор статьи и такого мнения. В первую очередь, признание за критериями назначения наказания самостоятельного статуса вовсе не означает, что в отдельности они должны оказывать равное влияние на назначаемое наказание. Во-вторых, представляется необоснованным опасение автора о неоднократном учете одного и того же обстоятельства при назначении наказания. Мотивируя свое решение о назначении той или иной меры наказания, суд прежде всего обязан указать, в каком качестве он принимает во внимание то или иное обстоятельство – в качестве характеризующего степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного либо в качестве смягчающего. В случае же, если речь будет идти об обстоятельстве, отягчающем наказание, постановка проблемы вообще некорректна, так как перечень таких обстоятельств является исчерпывающим, и суд не вправе признать таковым какое-либо из обстоятельств, не предусмотренных ст. 63 УК РФ. Отсюда мотивировка судом в тексте приговора вопросов, связанных с назначаемой мерой наказания, выступает в качестве гарантии от необоснованного неоднократного учета одного и того же обстоятельства в качестве нескольких критериев его назначения.

Таким образом, сильной стороной расширительного толкования учета личности виновного при назначении наказания является признание за ней статуса самостоятельного критерия назначения наказания.

В свою очередь, довод, составляющий основу позиции об ограничительном толковании учета личности виновного, на наш взгляд, наиболее четко сформулировал Г. И. Чечель: «Неоспоримым является тот факт, что, как бы отрицательно ни характеризовался субъект на производстве или в быту, его никоим образом нельзя привлечь к уголовной ответственности без наличия бесспорных доказательств о совершении

преступления» [15]. Справедливость данного замечания не вызывает ни малейших сомнений. Действительно, в соответствии со ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Вместе с тем, это не означает, что какие-либо обстоятельства, не связанные непосредственно с совершенным преступлением, в случае его совершения при назначении наказания не должны приобретать характер юридически значимых. Например, такие предусмотренные законом смягчающие обстоятельства как беременность, наличие малолетних детей, несовершеннолетний возраст виновного и т.д. не имеют непосредственного отношения к совершенному преступлению. Однако вряд ли кто-либо поставит под сомнение необходимость их учета при решении вопроса о мере наказания. Сказанное в равной степени справедливо и по отношению к такому отягчающему наказанию обстоятельству как рецидив преступлений.

Главным же недостатком ограничительного толкования учета личности виновного является неизбежное ущемление идеи индивидуализации наказания, а следовательно, его справедливости. И проблема заключается даже не в том, что игнорирование каких-либо данных о личности (не связанных непосредственно с совершенным преступлением) само по себе можно расценивать как проявление несправедливости. Обстоятельства, характеризующие личность виновного, – это своего рода ориентир для суда, позволяющий назначить меру наказания, способную достичь целей, поставленных перед ним законом, в первую очередь, – исправления осужденного. Поэтому, насколько верно замечание о том, что, как бы отрицательно ни характеризовался субъект на производстве или в быту, его никоим образом нельзя привлечь к уголовной ответственности без наличия бесспорных доказательств о совершении преступления, настолько же обосновано и то, что наказание такому лицу должно быть отличным от наказания, избираемого лицу, которое характеризуется противоположным образом.

Отдавая предпочтение расширительному толкованию учета личности виновного, необходимо обратить внимание на один немаловажный момент. Перечисляя обстоятельства, характеризующие личность виновного, которым должно быть уделено внимание при назначении наказания, ученые зачастую обходят стороной вопрос о механизме их учета, что представляется непозволительным, поскольку безграничное «раздувание» перечня таких обстоятельств бессмысленно без оглядки на наличие практической возможности их учета судом.

В первую очередь это замечание относится к данным, характеризующим особенности психики виновного. Не секрет, что в ходе судебного следствия это обстоятельство исследуется только в случаях, когда у суда возникают сомнения относительно вменяемости подсудимого, либо в материалах дела имеются данные, свидетельствующие о наличии (в прошлом) какого-либо психического заболевания, травмы головы и т.д.

Кроме того, исследование подобного рода обстоятельств судом становится возможным только после проведения судебно-психиатрической экспертизы, результаты которой имеют принципиальное значение для правильного рассмотрения дела. Таким образом, становится очевидно, что суд, не обладая специальными познаниями, просто не в состоянии дать квалифицированную оценку психическому состоянию личности. Также неясно, каким именно образом суд может учесть полученную в результате такого исследования информацию, и какое влияние она должна оказывать на избираемое наказание? Если задача отрицательно и положительно характеризующих личность данных – влиять на наказание в сторону его соответственно ужесточения и смягчения, то данные об особенностях психики, характера, темперамента личности в силу своей специфики, очевидно, такого влияния оказать не могут.

Чрезмерное расширение перечня значимых обстоятельств, характеризующих личность, не всегда обосновано. Формируя этот перечень, необходимо прежде всего учитывать целесообразность включения в него тех или иных элементов с точки зрения, во-первых, способности оказывать влияние на наказание, а во-вторых, – наличия у суда фактической возможности дать им оценку. В условиях, когда чрезмерная служебная нагрузка на судей и без того является одной из основных проблем отечественной судебной системы [4, с. 12], указывать на необходимость установления судом обстоятельств (особенности психического состояния при отсутствии признаков невменяемости личности, условия воспитания и роста и т.д.), не способных оказать конкретное влияние на назначаемое наказание и даже способствующих затягиванию процесса рассмотрения дела, по меньшей мере, некорректно.

Автором изучены 140 приговоров, вынесенных районными судами г. Ростова-на-Дону за 2010-2012 гг. (в том числе 90 приговоров, вынесенных Первомайским районным судом г. Ростова-на-Дону, содержание которых было сверено с протоколами судебных заседаний в части исследования данных о личности виновного). Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что в следственно-судебной практике в целом утвердился перечень характеризующих обвиняемого (подсудимого) документов, которые в обязательном порядке должны быть приобщены к материалам дела при его направлении в суд. Этот перечень включает следующее:

1. Копию документа, удостоверяющего личность обвиняемого (паспорта, справки об освобождении из учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы).

2. Сведения о привлечении лица к уголовной ответственности в прошлом (справки из информационного центра ГУ МВД России по субъекту РФ, Главного информационного центра МВД РФ, копии приговоров по предыдущим судимостям, постановлений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и т.д.). Необходимо отметить, что на стадии предварительного расследования к материалам дела зачастую приобщаются копии приговоров, судимость по которым погашена, в связи с чем при рассмотрении уголовного дела в суде возникают спорные ситуации. Так, сторона защиты, как правило, ходатайствует об

исключении приговора (приговоров), судимость по которым погашена из материалов дела, дабы суд не мог принять их во внимание при решении вопроса о мере наказания, поскольку в соответствии с ч. 6 ст. 86 УК РФ, погашение судимости аннулирует все связанные с ней правовые последствия. Отказ суда в удовлетворении такого ходатайства, по мнению автора, будет абсолютно обоснованным. А. З. Хун пишет по этому поводу: «Погашенная или снятая судимость, безусловно, не может учитываться в качестве обстоятельства, влияющего на вид и размер наказания. Однако в качестве характеристики личности виновного она, по нашему мнению, должна иметь определенное значение. В противном случае цели уголовного наказания сложнее будет достичь» [14]. Налицо несостоятельность такой позиции: если не учитывать погашенную судимость при назначении наказания, то какую тогда смысловую нагрузку она несет в качестве обстоятельства, характеризующего личность виновного? Если же наоборот, учитывать ее в качестве таковой, то она неизбежно должна оказывать влияние на вид и размер наказания.

3. Справки врача-психиатра, врача-нарколога.

4. Копии документов, подтверждающих семейное положение (свидетельства о заключении брака, о рождении детей, установлении отцовства и т.д.).

5. Характеристики с места жительства и работы.

6. Документы, подтверждающие наличие инвалидности, тяжелого заболевания, беременности и т.д.

Можно констатировать, что в обязательном порядке устанавливаются данные, характеризующие личность подсудимого, которые в соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ входят в предмет доказывания по уголовному делу.

Сравнительный анализ приговоров и протоколов судебных заседаний свидетельствует о расхождении их содержания касательно учета обстоятельств, характеризующих личность виновного, а именно – объем данных о личности виновного, имеющийся в протоколах судебного заседания, как правило, превышает объем таковых, приводящихся в мотивировочной части приговора. Судьи зачастую ограничиваются лишь данными, указанными в ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Такая избирательность представляется недопустимой. Из ст. 240 УПК РФ вытекает давно воспринятое судебной практикой правило о том, что суд не вправе ссылаться в приговоре на доказательства, непосредственно не исследованные им в судебном заседании (не нашедшие отражения в протоколе судебного заседания). Данное правило имеет и обратную сторону: исследованные в ходе судебного заседания доказательства (нашедшие отражение в протоколе судебного заседания) должны получить соответствующую оценку в приговоре. Получается, что исследованные судом в ходе судебного следствия данные (в виде документов, приобщенных к материалам дела), имеющие отношение непосредственно к личности виновного, каким-либо образом его характеризующие, должны получить оценку в тексте приговора. К сожалению, данное требование не всегда исполняется.

Необходимо также обратить внимание на различия в мотивировочной части приговоров способов отражения личности виновного. Так, встречаются следующие формулировки: «суд учитывает личность подсудимого», «с учетом личности подсудимого», «суд учитывает данные о личности подсудимого», «учитывая данные о личности подсудимого», «исходя из критериев назначения наказания, установленных ст. 60 УК РФ». Предпочтительным представляется указание в приговоре на учет именно «данных о личности подсудимого». Абсолютно обоснована позиция Пленума Верховного Суда РФ, который в п. 2 постановления от 29 октября 2009 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» указывает на необходимость учета *сведений и данных* о личности виновного [13].

Столь, на первый взгляд, неприципиальное замечание имеет вполне реальное практическое значение. Давая характеристику личности виновного, суд основывает ее на всей совокупности данных, полученных из тех или иных материальных источников. Таким образом, объектом оценки и учета выступает не абстрактная категория «личность виновного», а конкретные сведения и данные о ней. При отсутствии четко формализованных правил учета тех или иных обстоятельств, характеризующих личность, ссылка именно на данные о личности способна выполнять двоякую функцию – с одной стороны, позволяя оценить полноту учета судом сведений о подсудимом, а с другой, создавая своего рода гарантию от необоснованного изменения приговора вышестоящим судом.

В то же время необходимо отметить, что подобный (на основе текста приговора) «контроль» за учетом всех обстоятельств дела носит ограниченный, по большей части процессуальный характер. Хотя общие начала назначения наказания и обязывают суд учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи, «отследить» степень влияния каждого из этих критериев на итоговое наказание в отдельности практически невозможно. Причиной тому не только практика построения санкций в отечественном уголовном законе, но и отсутствие за редким исключением конкретных правил учета самих критериев. Поэтому должный их учет и, как следствие, назначение справедливого наказания зависят в значительной степени от профессионализма судьи, его «чутья», способности и стремлению свести к минимуму влияние сугубо личных убеждений и установок на объективное рассмотрение всех обстоятельств каждого дела.

Список литературы

1. Арямов А. А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании: дисс. ... д.ю.н. СПб., 2004. 288 с.
2. Велиев С. А. Принципы назначения наказания. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 388 с.

3. Велиев С. А., Савенков А. В. Индивидуализация уголовного наказания. М., 2010. 216 с.
4. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедева // Российская юстиция. 2013. № 2.
5. Жидких И. В. Реализация принципов уголовного права в общих началах назначения наказания: дисс. ... к.ю.н. М., 2007. 189 с.
6. Жумаев А. С. Специальные правила назначения наказания за единичное преступление: дисс. ... к.ю.н. М., 2009. 205 с.
7. Ищенко А. В. Назначение наказания по Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2002. 157 с.
8. Кругликов Л. Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания. Ярославль, 1986. 70 с.
9. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Издательство ЛГУ, 1968. 128 с.
10. Мельникова Ю. Б. Личность преступника и индивидуализация уголовного наказания // Советское государство и право. 1972. № 8.
11. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: дисс. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2010. 412 с.
12. Новоселов Г. П. Критерии определения судом меры уголовного наказания: автореф. дисс. ... к.ю.н. Свердловск, 1981. 18 с.
13. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 29.10.2009 г. [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Хун А. З. Учет личности виновного при назначении наказания [Электронный ресурс] // Общество и право. 2010. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Чечель Г. И. Личность преступника как фактор, влияющий на назначение наказания [Электронный ресурс] // Российский следователь. 2012. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Чугаев А. П., Веселов Е. Г. Назначение наказания: научно-практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2008. 327 с.

УДК 811.111:81'373.613

Филологические науки

Статья посвящена проблеме вторичной номинации в уже освоенных заимствованиях, в частности, исследованию английских орнитонимов, образованных на основе заимствованных ранее названий из тюркских языков путем семантической деривации. Проанализирован ассоциативный характер вторичной номинации. Основой вторичной номинации являются ассоциации по сходству (метафора) и смежности (метонимия).

Ключевые слова и фразы: орнитоним; заимствования; вторичная номинация; семантическая деривация; метафора; метонимия.

Дочу Алина Рашитовна

*Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины
dochu_alina@ukr.net*

ВТОРИЧНАЯ ОРНИТОНИМНАЯ НОМИНАЦИЯ СРЕДИ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ[©]

Орнитонимы относятся к наиболее древнему, стойкому к иноязычным элементам слою, которым интересовались исследователи разных языковых групп [4; 5; 15; 16].

Несмотря на ряд работ, посвященных многим аспектам названий птиц в различных языках, вторичная орнитонимная номинация среди тюркских заимствований в английском еще не была предметом отдельного исследования.

Целью нашей статьи является изучение проблемы вторичной орнитонимной номинации в уже освоенных заимствованиях из тюркских языков в английском.

В нашем исследовании выделены лишь несколько лексем с вторичной орнитонимной номинацией среди тюркских заимствований в английском, а именно: *caique* 'белобрюхий попугай' '*Pionites*', *terek* 'мордунка' '*Tringa cinereus*', *turkey* 'индюк, индейка' '*Meleagris gallopavo*'.

Название *turkey* 'индейка' '*Meleagris gallopavo*' в английском языке появилось в XVI в. < сокр. от *turkey cock (hen)*, первоначально использовалось для обозначения *guinea fowl* 'цесарки', африканского вида птицы, с которым перепутали американский вид птицы *turkey* 'индейка' [12, v. XI, p. 481]. Когда европейцы впервые встретились с индейками в Америке, они ошибочно идентифицировали упомянутых птиц как один из видов *guinea fowl* 'цесарки'. *Guinea fowls* 'цесарки' были также известны как *turkey fowls*, потому что ввозились в Центральную Европу через Турцию. Орнитоним является сокращенной формой от названия страны *Turkey* 'Турция'.

В другом словаре указано, что *turkey* происходит от названия страны Турции из-за путаницы с *guinea fowl* 'цесаркой', которая импортировалась из Турции. Большая прирученная североамериканская птица '*Meleagris gallopavo*' – с характерным коричневым оперением и лысой с сережками головой и шейей. Такое